

РОМАН ГУЛЬ. «ЛЕДЯНОЙ ПОХОД» (1920): К 100-ЛЕТИЮ ГЕНЕРАЦИИ ТЕМЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В ЛИТЕРАТУРЕ РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ

А. Б. Удодов

Воронежский государственный педагогический университет

Поступила в редакцию 2 декабря 2019 г.

Аннотация: статья посвящена рассмотрению первоисточков воплощения темы гражданской войны в литературе русского зарубежья на материале книги Р. Б. Гуля «Ледяной поход» и в контексте общенациональной литературной традиции на протяжении большого исторического времени.

Ключевые слова: гражданская война, русское зарубежье, эмигрантская литература, мемуаристика, автобиографический герой, литературная традиция.

Abstract: the article is devoted to the analysis of the beginning of the theme of the Civil war in the literature of the Russian distant abroad on the material of the book by R. B. Gul "The Ice Campaign" and in the context of the nationwide literary tradition in the long historical time

Keywords: the Civil war, Russian Distant Abroad, emigrant literature, memoirs, autobiographic hero, literary tradition

В конце 1920 года, когда ещё шли последние бои между защитниками Белого Крыма и победоносно наступавшей Красной Армией, когда на рейде Севастополя готовилась к отплытию эскадра из ста с лишним кораблей, увозивших на чужбину войска генерала П. Врангеля и тысячи гражданских беженцев (всего почти 150 тысяч россиян), — в Берлине была подготовлена к изданию книга никому не известного автора, бывшего офицера Добровольческой армии. Она называлась «Ледяной поход». Это была, по сути, первая для литературы русского зарубежья (если не для всей русской литературы XX века) книга о гражданской войне. Издание её в 1921 году сразу же сделало начинающего писателя знаменитым.

Роман Борисович Гуть родился в 1896 году в Киеве, в семье известного юриста. В 1914 году поступил на юридический факультет Московского университета; через два года был мобилизован, окончил офицерскую школу, в чине прапорщика участвовал в Первой мировой войне. Революционные события 1917 года привели Р. Гуля в ряды непримиримых борцов с большевистским режимом. В начале 1918 года он вступает в ряды формирующейся на Дону Добровольческой армии под командованием генерала Л. Корнилова. В её составе участвует в знаменитом «ледяном походе» с Дона на Кубань, ставшим впоследствии одной из самых героических страниц в истории Белого движения [1, 32].

Первая книга о гражданской войне, написанная её участником на автобиографическом материале, предвещала обширный художественный пласт русской литературы XX века. С начала 1920-х годов

в эмиграции начинают широким потоком публиковаться книги бывших «деникинцев», «колчаковцев», «дроздовцев» и «врангелевцев». В Советской России появляются произведения «чапаевцев», «будённовцев» и других бывших бойцов Красной Армии. Всё это в целом формировало истоки определённой проблемно-тематической литературной традиции, которая по содержанию представляла, естественно, неоднородную. Но в большинстве таких книг, тяготевших к жанру мемуаристики (хотя порою претендовавших на широкие исторические и художественные обобщения), написанных через несколько лет после окончания гражданской войны, её события уже начинают подёргиваться дымкой времени: картины и образы, принадлежавшие прошлому, постепенно приобретают оттенок легендарности. В советском массовом сознании обиходными штампами становятся понятия — «легендарный комдив Чапаев», «легендарная Первая Конная Армия», а для эмиграции — «легендарный генерал Корнилов», «легендарный Ледяной поход». Легенда, как правило, по-своему мифологизирует прошлое: героико-романтическое начало в его осмыслении начинает преобладать над трагическим.

«Ледяной поход» Р. Б. Гуля, созданный ещё до окончания войны, чуть ли не в самом процессе описываемых событий, достаточно свободен от подобной мифологизации. Ложность героики братоубийства, несостоятельность классовых идеалов, за которые борются красные и белые, губящие Россию, — основной смысловой лейтмотив произведения. В начале повествования автобиографический герой, пребывающий в восторженно-эйфорическом состоянии, убеждён, что идёт защищать правое дело. «И армия возрождения, горящая единой страстью:

счастье родины, счастье народа русского, — идёт как один. Она почти не встречает сопротивления...

Ведь она народная армия!!

Ведь это нация встала!!» [2, 31].

Но постепенно от главы к главе нарастает внутреннее напряжение в сознании молодого офицера, усиливается его душевный разлад — в столкновении с реалиями войны, где беспощадно правдиво обрисованы и белые, и красные. «Вот она, подлинная гражданская война!» — прозревает он, видя варварскую расправу однополчан с пленными [2, 61]. Сцены, рисующие жестокость, моральное разложение, мародёрство в стане белых, сменяются ужасающими картинами «красного террора». В непрерывной череде кровавых эпизодов у героя нагнетается ощущение тоски и безысходности. При этом жалости к себе он не испытывает, — но всё более отчётливо в повествовании проявляется чувство горечи и боли за русский народ, ввергаемый в бессмысленное самоуничтожение. Обвиняюще звучат слова библейски «благообразного старичка», обращённые то ли к герою, то ли к самому Господу Богу: «Что народу, народу побили... невинных сколько! А из-за чего всё? Спроси ты их...» [2, 64]. Не в силах оправдать происходящее и оправдаться самому, герой в финале приходит к единственно возможному для него, хотя и горькому решению: устранившись от несправедливой междоусобицы и покинуть Россию.

Здесь можно увидеть некую общую модель социально-исторических процессов, обусловивших в итоге военное поражение Белого движения: его сторонники, движимые благородными лозунгами спасения Родины и защиты традиционных ценностей, были вовлечены в водоворот насилия, но не защищены, подобно противнику, опьяняющим и обезболивающим воздействием идей «классового гуманизма» и «революционной целесообразности» («великого дурмана», по И. А. Бунину [3]). Демократическая часть Белого движения в ходе братоубийственной войны неизбежно должна была ужаснуться самой себе и, утратив веру в целесообразность своих действий, испытывав «упадок духа» [1, 91], первой притупить оружие.

Что же касается жанровой природы книги Р. Б. Гуля, то, как представляется, она по-своему расширяет рамки традиционной мемуаристики. Здесь авторская картина мира очерчивается не только как воспоминания о прошлом, но напоминает порой своеобразный «репортаж с места событий», — представивший для современников в ещё не завершённом и длящемся «настоящем» (при соответствующей динамике форм художественного времени в повествовании). Немаловажно, что такая картина структурирована повествовательным сюжетом-движением, развёрнутым во времени и пространстве. В этом плане история литературы представляет, как известно, широкий спектр жанровых форм: от «путевых

заметок» — до «романа-путешествия». В русле же отечественной литературной традиции напрашивается, может быть, на первый взгляд, неожиданная ассоциация с «Путешествием из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева. Во всяком случае, можно увидеть ряд художественно-структурных совпадений: например, этапы и «путешествия» у А. Н. Радищева, и «похода» у Р. Б. Гуля очерчены в главах, носящих названия населённых пунктов, или географических территорий / топосов (таких топонимических обозначений у А. Н. Радищева — 24; у Р. Б. Гуля — 28). Главное же — изображение «похода» (как и «путешествия») в формах реального пространственного движения автобиографического героя — коррелирует с процессами генерации авторской позиции и авторской оценки в системе мировоззренческих и личностно-ориентирующих координат. Такое соотношение с классической литературной традицией лишний раз подчёркивает уровень творческого дарования Р. Б. Гуля, литературный дебют которого предстаёт важной исходной вехой на пути будущего становления большого русского писателя.

Появление книги Р. Б. Гуля, мгновенно ставшей широко известной как в среде эмиграции, так и в России, вызвало самые разноречивые оценки и суждения. О «Ледяном походе» высоко отзывались такие несхожие в своих литературных вкусах писатели, как А. Белый, и М. Горький [2, 12]. Известный критик Ю. Айхенвальд (высланный из России в составе большой группы творческой интеллигенции в 1922 г.) подчеркнул, что это «книга против всякой гражданской войны — и против белых, и против красных» [2, 12]. По этой, видимо, причине «красная» советская критика, находя «политически полезным» показ автором белого террора, в целом оценивала книгу как «белогвардейскую»; белая же эмиграция объявила автора клеветником, предателем и агентом большевиков.

В начале 1920-х годов Р. Гуль становится одной из видных фигур в литературной жизни «Русского Берлина» — в одном кругу с А. Толстым, А. Белым, Б. Ходасевичем, Б. Пильняком, В. Маяковским, С. Есениным, — где ещё трудно было разделить русских писателей на эмигрантских и советских. Благодаря своей репутации «бело-красного», Р. Гулю, разделявшему в этот период идеи мирного диалога с покинутой родиной, удалось издать «Ледяной поход» в России и некоторое время сохранять сотрудничество с советскими изданиями. В 1927–1928 годах Госиздатом были опубликованы его книги об эмиграции «Жизнь на фукса» и «Белые по чёрному». Но в конце 1920-х годов, когда в СССР окончательно обозначился поворот к тоталитарно-имперскому режиму, и для эмиграции стало ясно, что надежды на перерождение большевизма в условиях НЭПа и на примирение с ним не сбудутся, писатель, по его словам, уже был «таким же врагом советской власти, как и в 1917 году». В начале 1930-х годов им созда-

на серия книг «Красные маршалы» («Тухачевский», «Ворошилов», «Блюхер», «Котовский»), которых, по свидетельству И. Эренбурга, «советская власть не простит... автору» [2, 19]. В 1936 году выходит книга Р. Гуля «о красном терроре ЧК» под названием «Дзержинский». К этому времени его произведения уже несколько лет как запрещены в СССР и изъяты из обращения. Между тем в русской литературе XX века Р. Гуль становится одним из крупнейших мастеров жанра «беллетризованной биографии». Эти произведения, а также его исторические романы («Генерал БО», «Скиф» и другие), принесли писателю уже в тридцатые годы мировую известность.

С 1950 года Р. Гуль переселяется в США: вновь обращается в теме гражданской войны в романе «Конь Рыжий». В ряду значительнейших мемуарных произведений русской эмигрантской литературы явились два тома его воспоминаний, написанных в последний период творчества, — «Я унёс Россию».

Один из патриархов русского Зарубежья, встретивший вторую, послевоенную и третью, диссидентскую «волны» эмиграции, Р. Гуль умер в Нью-Йорке в 1986 году, фактически встретив и закат того социального строя на родине, против которого он в молодости боролся с оружием в руках. Три года спустя его произведения после 60-летнего перерыва вновь стали издаваться в России.

Столетняя дистанция, отделяющая нынешнее российское общество от отечественной трагедии братоубийства XX века и её первых отражений в национальной литературно-художественной практике, заставляет вспомнить обращение к потомкам и другого автора из стана русского зарубежья, одного из военных вождей Белого движения генерала А. И. Деникина, который в своих «Очерках русской смуты» (1921–1926) выражал надежду, что в будущем уроки гражданской войны будут осознаны и учтены, «когда над бедной нашей страной почует мир, и всеисцеляющее время обратит кровавую быль в далёкое прошлое» [4, 175]. Как представляется, эти заветы не теряют актуальности и для наших дней.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ушаков А. И. История гражданской войны в литературе русского зарубежья. Опыт изучения / А. И. Ушаков. — М.: ИЦ «Россия молодая», 1993. — 144 с.
2. Гуль Р. Б. Ледяной поход. Сборник произведений / Р. Б. Гуль. — М.: Воениздат, 1992. — 348 с.
3. Бунин И. А. Великий дурман / И. А. Бунин // Окаленные дни: неизвестный Бунин. — М.: Молодая гвардия, 1991. — С. 132–137.
4. Деникин А. И. Очерки русской смуты / А. И. Деникин // Октябрь. — 1991. — № 11. — С. 77–183.

Воронежский государственный педагогический университет

Удодов А. Б., профессор кафедры русского языка, современной русской и зарубежной литературы

E-mail: kaf214@yandex.ru

Voronezh State Pedagogical University

Udodov A. B., Professor of the chair of the Russian language, Russian and foreign literature

E-mail: kaf214@yandex.ru